

Исследование осуществляется в русле общей теории систем. Последняя, наряду с философией, логикой и математикой понимается как всеобщая наука, в которой система мыслится как "парциализированное целое (комплекс), объединенное разного рода отношениями и обладающее дополнительным общим качеством, не равным сумме свойств, входящих в это целое частей" (с. 190). Система является высшей формой организации объектов любой природы в рамках цепочки хаос—сети—системы. Гиперкомплексной динамической системе присущ онтологический гомоцентризм, позволяющий учесть человеческий фактор. Данной онтологией руководствуется синергетика.

Автор разделяет мнение Г.П. Быстрой и Д.В. Пивоварова, что общая теория систем могла бы "погрузиться" и в кибернетику, и в синергетику, и в то же время вобрать в себя основные элементы современного математического моделирования. Рано или поздно она превратится в особую отрасль знания, создание этой науки — дело ближайшего будущего. В работе исследуются основные понятия теории систем, такие, как отграниченность, обособленность и открытость, граница, среда и субстрат системы, функциональность, связность, "скважность" (П.А. Флоренский), понятия простоты и сложности системы, проблемы их фрактальности, структуры, организации и самоорганизации. Рассматриваются онтология систем и системные законы, устойчивость и иерархичность. Дается определение порядка как связности, последовательности, регулярности, организованности и структурности, взятых вместе. Противоположностью порядка является хаос, вырожденный случай системы.

Анализируются основные версии общей теории систем, такие, как тектология А.А. Богданова, систематическая концепция М. Месаровича и Я. Тикахары, построенная на основе формализованных идей Берталанффи, параметрическая системная концепция А.И. Умова, теоретико-системная концепция Ю.А. Урманцева, системная версия Э.Г. Винограя, ориентированная на диалектику Гегеля, концепция В.В. Казаневской, признающая противоречие источником развития системы, вопреки остальным концепциям, в которых "система выступает как связанная и внутренне непротиворечивая сущность" (с.216), функциональная теория организации М.И. Сетрова и, наконец, бихевиористика О.С. Разумовского, описанная в книге "Бихевиоральные системы" и в первой главе настоящей работы.

Автор приходит к выводу, что случаи асимметрии между интенциями человека к наилучшему и наихудшему в его психологии при выборе предпочтений и целей в поведении, поступках и действиях в морали и в эстетическом отношении укладываются в пропорции "золотого сечения". Возможно, что эта интенция присуща всем биосистемам и, может быть, всем мезосистемам (с.81). В этой связи специалистов любой отрасли знания не может не заинтересовать расширение понятия многое до понятий мезообъекта, мезосистемы, исследование "золотой середины", известной еще до Евклида, вероятно, пифагорейцам.

"Золотое сечение" нашло математическое выражение в знаменитых числах Фибоначчи, открытых в 1228 г. итальянским математиком Леонардо Пизанским (Фибоначчи).

Заслуживает внимания вывод автора, что у человека как родового существа не существует никаких запретов на социальную деградацию, деструктивное поведение, диссоляцию и т.п. Представляет интерес в этой связи исследование автором соотношения оптимологии с пессимологией, индифферентологией, безразличием, атараксией, праксиологией, определение законов эффективности и неэффективности таких дилемм, как "Спасайся, кто может", "Спасемся миром", безоглядного расточительства ("Бесятся с жиром") или необузданного эгоизма и жадности ("Им все мало"), когда рациональность деградирует в область иррационального, ценности обезличиваются, система распадается, а поведение выглядит как безумие.

Книга отличается информативностью, аргументированностью и ясностью изложения. Она предназначена для ученых, специалистов по философии и методологии науки и техники, социологов, биологов, экономистов, специалистов по теории сложных систем и управлению, преподавателей вузов, аспирантов и студентов, для всех, кто интересуется оптимальностью в жизни и деятельности.

В.Н. Типухин

Проблема транса в современности (обзор монографий)

Проблема транса одна из интересных проблем философии. В XX в. эта проблема приобрела новое осмысление в связи с проблемой повседневности.

В любой культуре существует практика преодоления границ конечности человеческого существования, которое в западной и русской культуре представлено понятием транса. Каждая культура предлагает свой вариант транса. Как правило, эти варианты связаны с религиозной практикой. В трансцендировании человек преодолевает границы возможного и оказывается в некоей бесконечной реальности. В христианстве это часто также означает встречу с Богом.

Конечная реальность, обозначенная как "мир человека" — это иллюзия, построенная с помощью языка. Слова ловят человека в свою ловушку и заставляют говорить ими. Человек живет в искусственной реальности, сформированной даже не столько им самим, но навязанной извне, во многом благодаря средствам массовой информации. Научное познание мира не дает знания о мире, скорее оно уводит нас в сторону от этого знания. Преодолеть эту иллюзорность возможно, лишь совершив транс.

Основанием для любого транса должна быть изначальная уверенность, что иная реальность существует. Эта уверенность присутствует и в культуре каждого народа все время, пока существует человечество, и в каждом человеке конкретно. Основанием для такой уверенности, по мнению Юнга, служит

коллективная память. Бессознательно человек знает, что этот мир не является единственно существующим и, соответственно, с уходом из него, не прекращается индивидуальное существование. Каждый народ наполняет иную реальность собственным содержанием, в зависимости от физических особенностей своего существования и уровня развития. Божество здесь выступает как некий символ, за которым скрыто присутствие инобытия. Говоря о Боге, человек автоматически подразумевает ту реальность, где он пребывает.

Естественным порогом, за которым находится эта иная реальность, есть человеческая смерть, как прекращение конечного существования.

Стимулом для трансцендирования в религиозной практике является вера в возможность встречи с потусторонним существом, называемым Богом и дающим некое знание или прекращающим человеческое страдание. В XX в., который можно было обозначить как век отсутствия веры, веры в Бога, веры в какой-либо авторитет, для трансцендирования необходим другой стимул.

Отсутствие смысла опыта преодоления возможного (трансцендирования) в формальном основании приводит к необходимости поиска подобного основания внутри человека. Следуя за традицией философии XX в., обратимся непосредственно к живому человеку.

Современный человек замкнут в рамках конечного существования. Его жизнь находится во власти проекта, часто навязанного извне. Следуя проекту, человек ориентирован на действие, приносящее максимальную пользу, прежде всего для него самого. Польза здесь понимается в плане достижения выгоды в различных сферах жизни. Таким образом, все существование человека проходит в ориентации на конечное. Иная реальность надежно скрыта в опыте повседневных забот. Выдает она себя лишь иногда неким необъяснимым чувством тревоги и неудовлетворенности жизнью, которое в философии экзистенциализма обозначена как "тоска" или "тошнота". Подобное состояние есть начало для освобождения от проекта и стремления к краю возможного. "Трансгрессия" предполагает отказ от пользы. Без такого отказа трансцендирование невозможно.

Зачастую, тревога, вызванная присутствием иной реальности, оказывается тяжким грузом для человека и заставляет обратить свой взор не в сторону иной реальности, а в совершенно обратном направлении. В повседневности человек "разбавляет" свою тревогу, обращая ее в страх перед конечным объектом. "Голая тревога", возникающая в мистических состояниях, вызывает в человеке невообразимый ужас и единственный способ справиться с ней, это конкретизировать ее, обратив в страх.

Стремление человека к непознаваемому, бесконечному делает его открытым для иной реальности. Шестов считал, что не человек выходит в иную реальность, а она нисходит на избранного ею человека. (Таким человеком, к примеру, был Достоевский.)

Таким образом, отказ от удовлетворенности в жизни дает человеку возможность трансцендирования.

Каким же образом совершается трансцендирование? Выше-сказав в книге "Этика преображенного эроса", говорит о двух категориях: *indefinitum* и *transfinitum*. Первая категория обозначает трансцендирование в другое конечное, вторая — выход за пределы конечного. Это и есть истинный трансцендирование.

Истинный трансцендирование возможен в случае, когда вся реальность ставится под вопрос. Невозможно это сделать рассудочным способом, т.к. именно рассудок в первую очередь подвергается сомнению.

Западной культуре известны, по крайней мере, два способа совершить трансцендирование: оргия и мистическое переживание.

В период истории, когда люди жили единым родом, в культуре присутствовал момент, регулирующий отношения человека со смертью. Утрата этого культурного элемента привела к тому, что потусторонний мир стал ужасать своей неизвестностью и неизбежностью. Этот ужас усиливался собственными фантазиями человека, связанными со страданиями в потустороннем мире. К страху неизвестного присоединился страх перед болью и страданиями, ассоциировавшимися со смертью. (Здесь я говорю о смерти как о феномене, стоящем на границе человеческого существования и являющемся проводником в иную реальность. Человеческая ситуация такова, что часто помыслить о встрече с потусторонним нельзя без мысли о смерти.)

Языческий праздник с его оргиями снимает условности этого мира, снимает человеческие страхи тем, что доводит их до предела. Всегда существующий ужас человека перед темной бездной иной реальности извлекается наружу из глубин его души и обретает форму. Ужас встает перед человеком. Рассудок же, напротив, уступает свое место нечто более страсти, и перед человеком открывается нечто, что скудный человеческий язык обозначил как "другая реальность". Тем самым человек все же отдает приоритет реальности, в которой он существует. Но та "другая реальность", существующая вечно и пребывающая в бесконечности, открываясь человеку, дает возможность увидеть его собственный мир как простую декорацию, выстроенную словами.

Оргия — это одна пограничная ситуация, в которой человек находится лицом к лицу с иной реальностью. Вторая такая ситуация — мистический опыт. Мистический опыт, понимаемый в традиции христианской религии, непосредственно связан с постижением Бога. В подобном переживании Бог говорит с мистиком, который в этом случае является неким посредником. Бог открывает себя, возможно, дает некое знание о существующем мире. Здесь возникает проблема передачи полученного опыта во внешний мир. Человек, переживший подобный опыт, не в силах средствами языка передать всю его полноту. Таким образом, невозможно зафиксировать с точностью, чем является мистический опыт. Человек оперирует понятиями, закрепленными в культуре и более или менее подходящими для подобного случая. Но они не передают адекватно переживания. Как правило, человек говорит о встрече с Богом, о голосе господнем. Здесь снова возникает си-

туация, когда язык управляет ситуацией. Истинный христианин придерживается догматов христианского учения, и строит свое восприятие, отталкиваясь от них. Мистик говорит именно о встрече с Богом, он не может помыслит, что это было нечто иное, нежели его Господь или другой представитель божественного царства, как то ангелы или души умерших людей, т.к. в этом случае нужно признать, что за пределами живого мира находится не только Бог, но и нечто другое. Опять-таки не получается адекватной передачи мистического переживания. Такой опыт имеет смысл лишь для тех, кто находится в едином смысловом поле с человеком, который приобрел подобный опыт, т.е. для верующих христиан.

Подобный опыт является результатом долгой работы христианина, его стремления к подобному переживанию и подготовки духа для этого путем аскезы.

Ж. Батай в работе "Внутренний опыт" предлагает иной способ достижения состояния экстаза. Он связывает переживание экстаза с "освобождением от власти слов". Возможность соприкосновения с иной реальностью заключена в нас самих, а не во внешних условиях. Обращенность внутрь себя, отрыв внимания от вещей внешнего мира, "остановка внутреннего диалога" может быть тем способом, с помощью которого человек открывает иную реальность. Переживание ее подобно экстазу, в котором человек заново открывает себя и мир и, возможно, черпает вдохновение для творчества.

[1] Батай Ж. Внутренний опыт. СПб., 1997.

[2] Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994

[3] Тиллих П. Избранные сочинения. Теология культуры.

[4] Юнг К. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М., 1995.

О.И. Ваюкина

О чтении наших предков. Рецензия на монографию А.Ю. Самарина "Читатель в России во второй полови- не XVIII века (по спискам подписчиков)" [1]

Во второй половине 2000 г. Московский государственный университет печати (бывший Полиграфический институт) выпустил в свет весьма интересное научное издание "Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков)". Эта работа принадлежит перу уже достаточно известного в своей области изысканий Александру Юрьевичу Самарину. Монография является первым в российской науке трудом, посвященным изучению читательской аудитории нашего Отечества во второй половине XVIII столетия. Этот труд основан на анализе такого важного исторического источника, как реальные списки подписчиков, помещенные в книгах и журналах того времени. А.Ю. Самарину удалось

провести реконструкцию социального и персонального состава читателей, а также рассмотреть вопросы, связанные с географией распространения печатной продукции.

Специалисты считают (это явствует из аннотации к изданию), что работа предназначена в первую очередь для книговедов, историков, культурологов и литературоведов. В аннотации, едва ли не традиционно, упоминаются и "все интересующиеся историей культуры и книжного дела России". С подобным утверждением нельзя не согласиться. Однако, роль книги А.Ю. Самарина представляется более значительной. Прежде всего она является важным доказательством того факта, что русские люди и два с лишним века тому назад живо интересовались наукой, техникой, литературой, стремились получить возможно больше информации об общественно-политической ситуации в стране и за ее пределами. Работа также позволяет утверждать, что уже в те далекие времена на практике даже Сибирь не являлась "медвежьим углом", ибо и ее жители стремились приобщиться к печатному слову.

Что касается вопросов специальных, то действительно, история русского читателя лишь относительно недавно стала важной частью историко-книговедческих исследований. Важная роль в том, что каждая значимая в данной области работа внимательно изучается и пропагандируется, принадлежит выдающемуся современному ученому-книговеду И.Е. Баренбауму [2], это неоднократно отмечает автор монографии [3]. Интересно, что рецензентами работы А.Ю. Самарина стали представители двух различных школ книговедения - московской (доктор ист. наук, проф. Е.Л. Немировский) и петербургской (доктор филолог, проф. И.Е. Баренбаум). Подобное обстоятельство также говорит в пользу положительной оценки труда А.Ю. Самарина. Большинство позиций автора работы "Читатель в России..." скорее всего получит поддержку и у других специалистов, а также вызовет интерес у читателей, чье общение с работой все же может быть затруднено из-за тиража издания. Книга вышла в свет всего в количестве 400 экземпляров.

Глава первая монографии посвящена социальному составу покупателей подписных изданий. А.Ю. Самарин характеризует различные группы потребителей печатной информации во второй половине XVIII века и говорит о спросе на произведения по истории, литературные произведения, книги по естествознанию и технике. Ряд страниц монографии посвящен книгам по богословию² и философии, книгам для детей. Уделяет внимание автор и подписчикам периодических изданий. Среди тех, кто подписывался на произведения по различной тематике, были члены императорской семьи, титулованные особы, особы разных классов по "Табели о рангах", купцы, мещане, разночинная интеллигенция и даже военные рядового состава, крестьяне и дворовые люди [4]. Естественно, нужно упомянуть, что среди под-

²Интересно, что в XVIII в. была трижды издана на русском языке и главная священная книга ислама "Коран".